

Функции юридического дискурса в рамках когнитивно-дискурсивного подхода на примере международно- правовых актов

Аннотация. В статье исследуется влияние правозащитного подхода на терминологию, применяемую в международно-правовых актах, посвященных защите прав мигрантов. Особенности текстов нормативных правовых актов рассматриваются в рамках когнитивно-дискурсивного подхода. На основе проведенного анализа англоязычных документов правозащитных органов ООН исследуется, каким образом функции юридического дискурса реализуются за счет используемой терминологии.

Ключевые слова: юридический дискурс, когнитивно-дискурсивный подход, термин, защита прав человека, миграция.

DOI: 10.17803/2311-5998.2020.65.1.101-107

E. A. BORODINA,

Lecturer of English Faculty of the Kutafin Moscow State Law University (MSAL),
Doctoral Student in Philological Sciences at the Department of Foreign Languages
of the Philological Faculty of RUDN University
eeaborodina@msal.ru

125993, Russia, Moscow, ul. Sadovaya-Kudrinskaya, 9

FUNCTIONS OF LEGAL DISCOURSE WITHIN THE COGNITIVE DISCURSIVE PARADIGM THROUGH THE EXAMPLE OF INTERNATIONAL LEGAL ACTS

Abstract. The article examines the impact of a human rights approach on the terminology applicable in international legal acts on the protection of migrants' rights. Features of the texts of regulatory legal acts are considered within the cognitive-discursive paradigm. Based on the analysis of the English-language documents of UN human rights bodies, the article studies how the functions of legal discourse are realized through the terminology used.

Keywords: legal discourse, cognitive-discursive paradigm, term, protection of human rights, migration.

**Елизавета Андреевна
БОРОДИНА,**

преподаватель кафедры
английского языка
Университета имени
О.Е. Кутафина (МГЮА),
соискатель кафедры
иностранных языков
филологического
факультета
Российского университета
дружбы народов
eeaborodina@msal.ru
125993, Россия, г. Москва,
ул. Садовая-Кудринская, д. 9

В эпоху глобализации в современном обществе происходят фундаментальные и динамичные изменения, охватывающие все сферы жизни человека. За последнее десятилетие в мире значительно активизировались процессы миграции населения, представляющие интерес для исследований в самых разных областях знаний. Так, регулирование миграционных процессов осуществляется в рамках международного права, для прогрессивного развития которого большое

© Е. А. Бородина, 2020

значение имеют лингвистические исследования. Правозащитный подход к миграционным процессам, прочно утвердившийся к настоящему времени в международном праве, оказывает влияние на терминологию, применимую в международно-правовых актах программного характера. В связи с этим представляется актуальным рассматривать лингвистические проблемы, связанные с миграцией, в рамках правовой лингвистики — сравнительно молодой области знания, предметом которой выступает зона пересечения языка и права.

В современном языкознании язык права рассматривается в рамках когнитивно-дискурсивной парадигмы знания, как лингвокогнитивное явление, передающее некий объем информации с помощью определенной совокупности языковых средств¹. В рамках данной парадигмы тексты международно-правовых актов можно охарактеризовать по тому, как они служат, с одной стороны, дискурсивным (т.е. коммуникативным), а с другой — когнитивным (т.е. познавательным) целям². Когнитивно-дискурсивный подход к изучению языка права позволяет более глубоко изучить его структуру и составляющие.

С точки зрения дискурс-анализа тексты международных нормативно-правовых актов относятся к юридическому дискурсу, который, будучи разновидностью институционального дискурса, представляет взаимодействие людей в рамках определенного социального института. И. В. Палашевская определяет юридический дискурс как «статусно ориентированное взаимодействие его участников в соответствии с системой ролевых предписаний и норм поведения в определенных правом ситуациях институционального общения»³.

Одна из задач юридического дискурса — организация и обеспечение стабильности социальной структуры общества. Право выступает в роли регулятора, обеспечивающего контроль над общественными отношениями посредством исторически сложившейся структуры правовых институтов⁴. Функции и особенности юридического дискурса всецело определяются сущностью права как регулятивного явления.

Так, задачей международно-правовых актов является регулирование отношений между государствами и другими субъектами международного права. В текстах международно-правовых актов формулируются их правовые обязанности во взаимоотношениях друг с другом, а также в обращении с отдельными группами лиц в рамках государственных границ. Таким образом, участникам юридического дискурса предписывается выполнение определенных институциональных действий, влекущих за собой правовые последствия. На уровне языка эти действия формируются и находят отражение в описывающих их языковых средствах — знаках, за которыми скрывается некий смысл. Транслируемый смысл соотносится с индивидуальным смыслом как фактом сознания, культурой

¹ Кубрякова Е. С. К пониманию природы термина с когнитивной точки зрения // Вопросы когнитивной лингвистики. 2004. № 2—3.

² Кубрякова Е. С. Обеспечение речевой деятельности и проблемы внутреннего лексикона // Человеческий фактор в языке: язык и порождение речи. М., 1991.

³ Палашевская И. В. Функции юридического дискурса и действия его участников // Известия Самарского научного центра РАН. 2010. № 5 (37). С. 535—540.

⁴ Мальцев Г. В. Социальные основания права. М., 2007. С. 388—412.

как системой коллективных смыслов, в концентрированном виде выражающих опыт сообщества, и смыслами, зафиксированными в виде значений языковых единиц⁵. В этом проявляется интенциональность дискурса — выражение коммуникативного намерения.

Между знаком и полем его смысловых значений существует ассоциативная связь, поэтому адресат должен самостоятельно осмыслить полученную информацию и вывести смысл сообщения. Таким образом, итоговый смысл высказывания выводится именно адресатом⁶. Юридический дискурс стремится к однозначности толкования, тем самым ограничивая интерпретативную свободу адресата, что реализуется за счет использования специальных языковых средств — терминов. Одноплановость выражаемых смыслов ориентирует адресата на восприятие информации в прямом смысле, вместо поиска подразумеваемой информации.

Тексты международно-правовых актов имеют информативную тональность⁷, что предполагает одностороннее, нейтральное информирование адресата, который изначально нацелен воспринимать информацию в заранее заданном формате. В. Б. Исаков говорит, что, юридический дискурс прежде всего отличается точностью и ясностью, слова и термины должны использоваться в строго определенном смысле, а грамматические конструкции — исключать двусмысленность. Язык текстов международно-правовых актов также должен быть эмоционально нейтрален⁸.

С точки зрения когнитивной лингвистики тексты международно-правовых актов способствуют познанию мира адресатом. Язык влияет на познание человека, на то, какими концептами он обладает и какие мысли придут ему в голову⁹. Нормы и предписания, изложенные в международно-правовых актах, отражают не только ценности конкретной общественной группы, образующей институт, но и ценности международного сообщества в целом. Юридический текст несет в себе определенные представления о справедливости, законности и правосубъектности. В связи с этим можно говорить о том, что на уровне текста с помощью вербальных символов происходит реализация ценностей правовой культуры, что формирует представления человека об окружающей его действительности.

Дискурс создается в целях конструирования особого мира или его образа¹⁰, а также является частным случаем использования языка для «выражения особой ментальности»¹¹. По ходу развертывания дискурса каждый человек строит свой «возможный мир». Он самостоятельно оценивает и осмысливает явления этого воображаемого и конструируемого мира, поэтому образ, рождающийся в его сознании, может стать как адекватным отражением существующего мира,

⁵ Карасик В. И. Языковые ключи. Волгоград, 2007. С. 334.

⁶ Дементьев В. В. Непрямая коммуникация. М., 2006. С. 376.

⁷ Карасик В. И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс. Волгоград, 2002. С. 288.

⁸ Исаков В. Б. Язык права. Юрислингвистика-2: русский язык в его естественном и юридическом бытии. Барнаул, 2000.

⁹ Harman G. The Making of Cognitive Science. Cambridge, 1988. С. 259.

¹⁰ Кубрякова Е. С. Язык и знание. М., 2004. С. 525.

¹¹ Степанов Ю. С. Альтернативный мир. Дискурс. Факт и принцип причинности. М., 1995. С. 38—39.

так и полным его искажением. Таким образом, тексты международно-правовых актов могут оказывать воздействие на людей, диктуя им определенный способ мировосприятия и формируя в их сознании определенное отношение к различным процессам и явлениям на международно-правовой арене.

Функции юридического дискурса вытекают из назначения права как социального образования. И. В. Палашевская выделяет следующие функции: регулятивную, перформативную, информативную, интерпретационную, кумулятивную, стратегическую, кодовую и презентационную¹². Исходя из задач данного исследования нам представляется интересным рассмотреть, каким образом эти функции реализуются в текстах правозащитных международно-правовых актов за счет использования особой терминологии.

Анализ англоязычных документов правозащитных органов ООН выявил многообразие терминов, используемых в отношении мигрантов в контексте незаконной миграции: *illegal migrants*, *irregular migrants*, *undocumented migrants*, *migrants in irregular situations*. Однако наблюдается тенденция к искоренению термина *illegal* применительно к мигрантам. Так, 9 декабря 1975 г. Генеральная Ассамблея ООН приняла резолюцию, в которой говорилось о предпочтительности использования во всех официальных документах терминов *non-documented* или *irregular migrant workers* применительно к лицам, которые в неустановленном порядке или тайно въезжают в другую страну с целью получения работы¹³. В свою очередь, Парламентская Ассамблея Совета Европы¹⁴ и Европейский Парламент¹⁵ призывают государства воздерживаться от использования термина *illegal migrant*, имеющего ярко выраженную отрицательную коннотацию и усиливающего стигматизацию мигрантов, и отдают предпочтение терминам *irregular/undocumented workers/migrants*.

Тенденция к искоренению термина *illegal* применительно к мигрантам обусловлена несколькими причинами. С юридической точки зрения использование термина *illegal migrant* в отношении всех мигрантов является некорректным, поскольку нарушение миграционного законодательства в большинстве стран, как правило, является не уголовно наказуемым преступлением, а административным правонарушением, не представляющим угрозу общественной безопасности. Семантика прилагательного *illegal* включает элемент «преступности», поэтому его использование автоматически превращает всех мигрантов в «преступников», что не соответствует действительности. Это может способствовать формированию предвзятого отношения к данной группе лиц в обществе, в том числе среди сотрудников правоохранительных органов и миграционной службы.

Вторая причина вытекает из принципа толерантности. Под влиянием правозащитного подхода значение нейтрального термина *illegal* расширилось. В юрис-

¹² Палашевская И. В. Указ. соч.

¹³ The Economic, social and cultural rights of migrants in an irregular situation. OHCHR. New York and Geneva, 2014. С. 142.

¹⁴ Резолюция 1509 «О правах человека нелегальных мигрантов», принятая Парламентской Ассамблеей Совета Европы 27 июня 2006 г.

¹⁵ Резолюция о фундаментальных правах в Европейском Союзе, принятая Европарламентом 14 января 2009 г.

пруденции прилагательное *illegal* (незаконный) означает «не соответствующий или нарушающий применимые нормативно-правовые предписания». В правозащитном дискурсе использование данного термина в отношении лиц стало трактоваться как попытка подчеркнуть отсутствие у них правового статуса.

Так, словосочетание *illegal migrant* часто трактуется как «мигрант, находящийся вне закона» или «вне правового поля», вместо «мигрант, нарушивший миграционный режим». Такая трактовка совершенно противоречит основным принципам правозащитного подхода, в рамках которого обязательства государств в сфере защиты прав человека должны применяться ко всем формам и стадиям миграции¹⁶, а права человека принадлежат всем мигрантам, независимо от их миграционного статуса¹⁷.

В соответствии с принципами международного права ни одно государство не может лишить человека правосубъектности, т.е. нарушить его право быть признанным субъектом права. Использование термина *illegal migrants* отрицает врожденное достоинство и права человека, тем самым как бы «обесчеловечивает» мигрантов.

«And let me be clear about my vocabulary too: illegal migrants do not exist. People may come to the EU and might be required to use irregular ways...but no human being is illegal. Only an act can be illegal, a person can not»¹⁸ («И позвольте мне пояснить свой лексикон: незаконных мигрантов не существует. Люди могут приехать в ЕС, и для этого может потребоваться использование незаконных способов... но ни один человек не является незаконным. Незаконным может быть только действие, а не человек»).

Так, использование соответствующей терминологии способствует реализации регулятивной функции юридического дискурса. Нормы права, которые применяют равную меру, одинаковый масштаб к различным людям, устанавливая границы, пределы поведения людей, вносят в общественные отношения стабильность и порядок, тем самым направляя их в определенное русло¹⁹.

Использование устоявшихся терминов в нормативных правовых актах может задеть чувства и достоинство уязвимых групп лиц, в том числе мигрантов. Политкорректность, выражающаяся в замене этих терминов на эмоционально нейтральные или положительные эвфемизмы, позволяет создать положительный образ мигрантов и миграции, как фактора, способствующего устойчивому развитию стран, в том числе их трудового потенциала.

Так реализуется презентационная функция юридического дискурса. Использование нейтральных терминов *irregular migrants* или *migrants in irregular situations* способствует снижению негативности коннотации незаконной миграции в общественном восприятии. Термин *migrants in irregular situations* означает «незаконно

¹⁶ Киселева Е. В. Правозащитный подход к миграции и цели развития тысячелетия // Российский юридический журнал. 2015. № 6. С. 131—141.

¹⁷ Нью-Йоркская декларация о беженцах и мигрантах, принятая Генеральной Ассамблеей ООН 19 сентября 2016 г.

¹⁸ Сесилия Мальмстрем, бывший еврокомиссар по внутренним делам. 29 ноября 2010 г.

¹⁹ Керимов Д. А. Методология права. Предмет, функции, проблемы философии права. М., 2003. С. 363.

пребывающие граждане третьих стран»²⁰. Данные термины являются универсальными и собирательными для всех проблем, с которыми сталкиваются мигранты:

The housing situation of *migrants in an irregular situation* is often precarious and insecure.

The right to education for *irregular migrant children* remains unclear in many countries.

Large-scale raids are another tool to detect *irregular migrants* and can involve the use of force.

Употребление определенных терминов — *undocumented migrants* или *irregular migrants* вместо *illegal migrants* — увеличивает шансы текста получить верную интерпретацию адресата, тем самым способствуя реализации интерпретационной функции юридического дискурса. Людям, остро переживающим за свой социальный статус, свойственно интерпретировать и осмысливать любую информацию в идеологическом ключе. Такая интерпретация часто основывается на позиционировании «свои и чужие», а также на поиске враждебных прямых и косвенных смыслов. Заинтересованный адресат склонен воспринимать сообщение, используя заранее заготовленные выводы. В странах с наиболее активными потоками мигрантов граждане, ощущающие на себе негативные последствия миграции, как правило, враждебно настроены по отношению к «чужим». Термин *illegal* также имеет дискриминационную окраску, поскольку он используется для определения «чужих» и крайне редко в отношении лиц, имеющих гражданство:

Next week ICE will begin the process of removing the millions of *illegal aliens* who have illicitly found their way into the United States.

Trump promises mass deportations of '*millions of illegal aliens*' next week.

Употребление термина *illegal* в международно-правовых актах, посвященных защите прав мигрантов, может косвенно способствовать возникновению разногласий в обществе, вызывать подозрение и недоверие по отношению к мигрантам. Это негативно сказывается на стабильности в обществе и может привести к расовой дискриминации, ксенофобии и преступлениям, совершаемым на почве ненависти.

Таким образом, терминология международно-правовых актов, посвященных миграционным процессам, испытывает влияние правозащитного подхода, предполагающего соблюдение политкорректности по отношению к особо уязвимым группам лиц. Нейтральная профессиональная лексика подвергается изменениям под влиянием настроений и процессов, происходящих в мировом сообществе. Семантическое значение и концептуальное содержание терминологических единиц могут расширяться за счет преобразования стоящих за ними структур знания.

Реализация функций юридического дискурса — информативной, интерпретационной, презентационной и регулятивной — во многом зависит от грамотного использования терминов. Язык международно-правовых актов содержит ценностные ориентиры и конкретные указания на то, какое поведение и поступки являются социально приемлемыми, поэтому правовые нормы и предписания,

²⁰ Директива 2008/115/ЕС «Об общих стандартах и процедурах, подлежащих применению в государствах-членах для возврата незаконно пребывающих граждан третьих стран», принятая Европейским парламентом и Советом ЕС 16 декабря 2008 г.

нашедшие отражение в тех или иных средствах языкового выражения, являются основой институциональных сценариев взаимодействия и определяют поведение их участников.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. Дементьев В. В. Непрямая коммуникация. — М., 2006.
2. Исаков В. Б. Язык права. Юрислингвистика-2: русский язык в его естественном и юридическом бытии. — Барнаул, 2000.
3. Карасик В. И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс. — Волгоград, 2002.
4. Карасик В. И. Языковые ключи. — Волгоград, 2007.
5. Керимов Д. А. Методология права. Предмет, функции, проблемы философии права. — М., 2003.
6. Киселева Е. В. Незаконная миграция в деятельности правозащитных органов ООН // Порівняльно-аналітичне право. — 2017. — № 5 — С. 380—382.
7. Киселева Е. В. Правозащитный подход к миграции и цели развития тысячелетия // Российский юридический журнал. — 2015. — № 6. — С. 131—141.
8. Кубрякова Е. С. К пониманию природы термина с когнитивной точки зрения // Вопросы когнитивной лингвистики. — 2004. — № 2—3.
9. Кубрякова Е. С. Язык и знание. — М., 2004.
10. Мальцев Г. В. Социальные основания права. — М., 2007.
11. Палашевская И. В. Функции юридического дискурса и действия его участников // Известия Самарского научного центра РАН. — 2010. — № 5 (37). — С. 535—540.
12. Степанов Ю. С. Альтернативный мир. Дискурс. Факт и принцип причинности // Язык и наука конца XX века. — М., 1995.
13. Harman G. Cognitive Science // The Making of Cognitive Science. — Cambridge, 1988.
14. The Economic, social and cultural rights of migrants in an irregular situation // OHCHR. — New York and Geneva, 2014.